

Встречи с С.В. Мрачковским

Сергей Витальевич Мрачковский был командующим войсками Приуральского военного округа, когда я был в системе войск этого округа. С.В. Мрачковский пользовался большим авторитетом и, в частности, среди рабочих, которые называли его просто Сергеем.

Мне рассказывали, что он сын В.Я. Мрачковского, члена первой революционно-политической организации в России, основанной в 1875 году и называвшейся «Комитетом южно-российских рабочих». Его отец за деятельность в этой организации был судим и приговорён к поселению в Сибирь. Где-то в Приуралье он продолжал работать, и его жена — мать Сергея Витальевича — была также революционеркой. Нередко В.Я. Мрачковский и его жена по суду и без суда содержались в тюрьме. Не знаю точно, но говорили, что Сергей Витальевич родился в тюрьме. Он унаследовал революционную деятельность, много работал среди рабочих на Урале.

Выполняя обязанности Екатеринбургского Военного комиссара, я встречался по делам службы с С.В. и по деловым качествам он мне нравился. Но я в какой-то степени был разочарован его выступлениями на общих партийных собраниях городской организации ВКП(б), которые периодически собирались в здании Екате-

¹ Продолжение воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Публикатор — В.С. Зайцев. Начало см. журнал «На русских просторах» №№ 4 (39) 2019, 1 (40) 2020, 2 (41) 2020, 3 (42) 2020.



Сергей Витальевич
Мрачковский

ков под давлением обстоятельств. Расстрел царской семьи произошёл, насколько известно, без ведома советского правительства и лично В.И. Ленина. По предложению В.И. Ленина царь должен был предстать перед судом народа.

Помню один из больших разговоров с С.В. Мрачковским², состоявшийся в поезде на пути Екатеринбург — Тюмень. Он попросил меня изложить план действия по ликвидации крупной банды, действовавшей на границе Тюменской и губерний, и операция должна была проводиться объединёнными силами ЧОН. В частности, в Тюменской губернии был командующим ЧОН тов. Галенкин, который был одним из руководителей отряда красногвардейцев, с участием которого был захвачен Главком войск интервенции и контрреволюции адмирал Колчак.

² Мрачковский Сергей Витальевич (1888, с. Тундра Сургутского уезда — Москва) — российский революционер, советский военный и хозяйственный деятель, участниклевой оппозиции.

В начале 1926 года, когда произошёл разрыв Зиновьева и Каменева со Сталиным и обе части распавшейся правящей фракции пытались склонить к союзу «троцкистов», в рядах левой оппозиции обсуждался вопрос, с кем следует заключить блок, Мрачковский сказал: «Ни с кем: Зиновьев убежит, а Сталин обманет». 24 августа 1936 года Военной коллегией Верховного Суда СССР вместе с другими подсудимыми приговорён к высшей мере наказания и расстрелян на следующий день. Реабилитирован Пленумом Верховного Суда СССР 13 июля 1988 г. Клевой оппозиции принадлежали также его старший брат Леонид Витальевич, расстрелянный 25 марта 1937 года, и его сыновья, Вячеслав и Леонид, расстрелянные 1 апреля 1937 год. *Интернет*

С. В. очень внимательно выслушал мой доклад, дал ряд ценных рекомендаций, которыми я воспользовался. Но с С.В. Мрачковским мне не приходилось встречаться часто, и я ни разу не встретился с ним в обстановке вне деловых отношений.

Встречи с тов. Бела Куном

Известно, что Бела Кун, видный деятель венгерского и международного рабочего движения, во время первой империалистической войны был в плену в России. Вернувшись в Венгрию, он организовал группу по распространению идей Великого Октября, а потом создал Венгерскую Коммунистическую партию, а в начале 1919 года фактически возглавил правительство. После поражения Венгерской Советской республики оказался в Австрии, откуда перебрался в Россию. В бюро ЦК ВКП(б) Урала он возглавлял работу в области идеологии. Бюро ЦК занимало 3-й этаж здания, где размещался Губком ВКП(б) и где я много раз видел его. Штаб ЧОН располагался рядом, и я часто видел Бела Куна в кепке, спущенной на лоб, и, как правило, с охапкой книг и газет, кажется, на всех языках мира.

Как-то раз в Губкоме тов. Кун обратился ко мне и как возглавляющего части ЧОН стал расспрашивать о размерах классовой борьбы в городе и деревне. Расспрашивал об организации разоблачения заговоров и военных методах борьбы с бандами. Говорил он с большим акцентом. Это было в 1922 г., когда эсеры и меньшевики поддерживали всякие подпольные организации и имели связи с кулацкими бандами, которые организовывали нападения на поезда, громили в сёлах магазины, убивали наших активистов. Наша беседа затянулась, видимо, часа на два. Она ещё бы продолжалась, но его пригласили на какое-то заседание. Б. Кун извинился и просил заходить. После этого мы встречались с ним как хорошо знакомые и накоротке обменивались мнениями по разным вопросам.

Клад в моей квартире

С организацией Штаба ЧОН я занял две комнаты, одна из которых служила кухней. Это была большая комната. К моменту въезда в ней оказалось очень много тараканов, грязи и мусора. Пришлось поработать по наведению порядка. После основательной чистки в комнате оказался железный ящик, размером полметра, в виде куба. Проржавевший и грязный, он был вычищен и приспособлен, как подставка под самовар, когда он ставился для

кипячения. Этот ящик добросовестно выполнял свои обязанности полгода.

Я как-то приболел, слёг в постель. С докладом зашёл ко мне командир Екатеринбургского полка, бывший гвардеец, командовавший полком во время гражданской войны. После доклада он вышел, а потом вернулся и говорит — извините, тов. Командующий, но у вас вместо подставки под самоваром маленький сейфик. Я приказал сделать подставочку под самовар, а сейфик разрешите мне забрать, я его использую для служебных целей. Я разрешил. Через пару дней скамеечка была доставлена, а ящик был отправлен в ружейную мастерскую для вскрытия и устройства запоров. При вскрытии ящика обнаружили, что он был полон драгоценностей — золота, бриллиантов и прочего, и все они были завернуты в тонкую бумагу, а ящик так набит, что при переворачивании не создавал никакого шума. Оказался этот клад на огромную сумму и был сдан в Госбанк в пользу МОПРа.

Долго мои сослуживцы вспоминали этот клад. Господа из страхового общества «Золотой якорь» так спешили, что не успели прихватить (Фрагмент текста не читается. — *Прим. В.С. Зайцева*).

Прощай, Урал!

В мае 1922 года был расформирован Приуральский военный округ. Центр военного округа переместился в г. Омск, а часть войск Приуральского округа была подчинена Западно-Сибирскому военному округу. В г. Омске был создан штаб ЧОН Западно-Сибирского округа. Этому штабу во главе с командующим был подчинён и я.

В сентябре этого же года я получил телеграмму от Начальника Штаба при Реввоенсовете РСФСР сдать дела и немедленно отправиться в Новониколаевск (ныне Новосибирск) и вступить в должность Командующего ЧОН Новониколаевской губернии. Одновременно я получил телеграмму, немедленно сдав должность, прибыть в Омск для получения особых указаний.

Итак, деятельность на Урале окончена. Здесь я многому научился, особенно в области политической грамотности. Здесь я встретился с рабочим классом, и он мне много дал в моём развитии. Прощай, Урал!

IV. В СИБИРИ

(сентябрь 1922 — сентябрь 1925 гг.)

Назначение в Сибирь меня опечалило. За короткий срок работы в городах Верхотурье, Надеждинск, Нижний Тагил, Алапаевск, а позже в большой Екатеринбургской губернии я привык к промышленным центрам, за короткий срок они стали родными. Здесь я обрёл семью, но сдерживала меня не семья.

Правда, кроме хороших отношений, были и иные. В результате активной деятельности кого-то обижаешь, кто-то обижает тебя, были и неприятные моменты. Но Сибири я побаивался, ведь это крестьянство, и там немало кулачества, оставались в скрытой форме и колчаковцы.

По вызову я немедленно отправился в Омск без семьи. По приезде в штаб я был информирован, что в районе Новониколаевска, Томска и Красноярска — этих областей — нагло действуют банды кулаков и колчаковцев. Рассказали, что несколько дней тому назад на поезд, к которому был прикреплён вагон Председателя ВЦИКа М.И. Калинина, было ночью совершено нападение банды, ограбление граждан. Бандиты пытались проникнуть в вагон Михаила Ивановича, но энергичные действия охраны принудили банду отступить.

Передо мною была поставлена задача навести порядок в этом районе Сибири. Я срочно вернулся в Екатеринбург, погрузился в предоставленный мне вагон и двинулся в Новосибирск. Ком. ЧОН Тюменской губернии тов. Галенкин, узнав, что я еду мимо, присоединился ко мне и провожал меня до Ишима, где было тоже беспокойно. Вскоре в сентябрьское раннее утро я был на станции Новониколаевска. Хотя было рано, я, прихватив своего адъютанта, сразу отправился в штаб ЧОН губернии.

В городе Новониколаевске

Новониколаевск 1922 года — это большая деревянная деревня. Но это был Сибирский центр. Здесь был Сибревком, который возглавлял М.М. Лашевич, Бюро ЦК ВКП(б) по Сибири во главе с Косиором, здесь были краевые учреждения — Губком партии, Губисполком. Секретарём ГК был тов. Равдель, председателем ГИ — Мартынов. В этом городе был штаб Главкома Республики во главе с Н.Н. Петиным и другие партийные, советские и военные организации.

Штаб частей особого назначения занимал бывшую колбасную фабрику. Город молодой. Промышленных предприятий мало, по-

жалуй, главными были ЖД мастерские. Дороги, мощёные булыжником, были только на центральных улицах, остальные осенью были разбиты и не проезжие.

Появившись около 5–6 часов утра в штабе, я увидел, что здесь спали все — часовые у артиллерийского склада, дневальные на конюшнях, где было несколько десятков лошадей, тесно скученных и большей частью больных. Комендантская команда и дневальный при ней спали. Помещение было закопчённое, красноармейцы спали на кроватях, застеленных тряпьем. Дежурный по штабу спал на столах, подложив под себя штабные дела.

Те красноармейцы, которых мы разбудили и которые приступили к выполнению своих обязанностей часовых, дневальных, были одеты в шинели неряшливо, без каких-либо знаков различия. Всюду видны были следы партизанщины, бесхозяйственности, отсутствие какой-либо дисциплины.

Когда мы разбудили командира — дежурного по штабу, спавшего на делах штаба, он соскочил со своего лежбища, взглянув на мои два ромба на рукаве, вытянулся, взял под козырёк и начал рапортовать: «Тов. Командующий, по штабу частей особого назначения Новониколаевской губернии всё благополучно, за ночь никаких происшествий не случилось...». Я его подвёл к окну, откуда был виден артсклад, и показал сладко спящего часового. Этого часового мы с адъютантом ещё не разбудили. Я спросил дежурного — а это благополучно? Я его спросил, откуда ему известно, что я — командующий, и получил ответ, что в штабе меня ожидают уже несколько дней, известно, что командующий едет строгий.

Я перечислил ему обнаруженные недостатки, предложил немедленно доложить о моём прибытии начальнику штаба и чтобы он сообщил мой приказ — за все обнаруженные непорядки посадить его на гауптвахту на 10 суток.

Утром меня вызвал командующий войсками округа т. Мрачковский в штаб Помглавкома по Сибири и представил меня помглавкома, потом мы вместе отправились в Губком ВКП(б), где нас принял секретарь Губкома т. Равдель. Я доложил первые неутешительные впечатления о штабе ЧОН Губернии, который очень слабо представлял себе дислокацию и состав банд, орудовавших на территории губернии. Борьба с бандами не координировалась ни с частями местных ЧОН, ни с частями ОГПУ, органами милиции и местными партийными и советскими организациями.

Новониколаевск в первый же день пребывания там поставил передо мною много задач.

Новониколаевский полк

На другой день в Новониколаевске меня ожидал новый сюрприз. Нач. штаба тов. Черносветов доложил, что в Новониколаевском полку сегодня заканчивается совещание командного состава полка, и сегодня же они разъезжаются по сёлам для борьбы с бандитизмом. Я решил воспользоваться этим и познакомиться с комсоставом полка и дать указания, которые я получил от командующего войсками и Губкома. После переговоров по телефону с командиром полка я вместе с начальником штаба и адъютантом отправился на встречу с комсоставом полка.

Был октябрь и ранняя осень, падал снег и тут же таял. В здании штаба полка были выбиты стёкла, некоторые форточки висели, привязанные на верёвочках, и болтались. Вокруг дома была непролазная грязь. Во дворе у привязей стояло около полсотни лошадей. Как оказалось, на них должен был возвращаться в сёла комсостав. Двор был захламлён конским навозом, соломой и всяким хламом. Здесь же были и склады с артснарядами, патронами, горючим и смазочными маслами. Кругом был мусор, тут же курили. Охраны, кроме привязанной на цепь собаки, не было.

Посмотрев на всё это, я спрашиваю у начальника штаба — что всё это значит, а он спокойно отвечает, а что тут поделаешь. По двору расхаживали военнослужащие, небрежно одетые с шинелями внакидку, с револьверами не в кобурах, а прямо за поясом. Видимо, это были командиры, но они не были похожи на командиров Красной Армии, более того частей особого назначения, а смахивали на представителей банд.

Я прошёл по двору, по складам и другим помещениям — командир полка не встретил и не сопровождал. Когда я вошёл на совещание, меня встретили неприязненно. Я предложил командиру полка продолжать совещание.

Совещание шло ещё около часа, нудно, говорил больше командир полка, указания его были неконкретны, задачи ставились расплывчато. После окончания скучной проповеди командира полка я обратился с вопросами к нему — почему комсостав так плохо и грязно обмундирован, почему у комсостава отсутствуют знаки различия, которые установлены в рабоче-крестьянской Красной Армии. Командир полка с иронией ответил, что вроде он парадной одежды ещё не получал.

Я начал расспрашивать командиров, есть ли у них данные, сколько на их территории бандитов, где они базируются, извест-

ны ли руководители этих банд. Я долгое время старался найти с комсоставом общий язык, и, казалось, я его находил. Но ряд командиров явно выражали почему-то недружелюбие.

После беседы я перешёл к освещению положения в стране и неблагоприятию с ликвидацией банд, рассказал о случае нападения на поезд, с которым следовал Председатель ВЦИК М.И. Калинин. Далее я говорил о том, что борьба с бандитизмом это не только карательные операции, но и многие другие средства. Командный состав в деревне должен быть образцом поведения, прилично одет, спокойно должен относиться к крестьянам. Разъяснять, что Советская власть всемерно помогает беднякам. Быть справедливыми, но бдительными, быть готовыми встретить банду, но, появляясь с оружием, применять его в крайнем случае, если нельзя предотвратить кровопролитие.

Далее я сказал, что правительство ввело знаки различия для комсостава, чтобы всегда быстро ориентироваться, кто стоит перед вами. Вдруг встаёт один из командиров и говорит, что он эти знаки рассматривает как возврат к старому офицерству, и если ему прикажут их надеть, то он откажется и может застрелить... себя. Видимо, он хотел сказать застрелить того, кто прикажет, а потом повернул «себя».

Началась и другая «критика» — какой может быть разговор с собаками, их нужно только стрелять. Долгое время я пытался их убедить, что части особого назначения — это части рабочего класса и партии, что они должны пользоваться доверием крестьянства. Ряд командиров допускали анархические выкрики и даже угрозы. Закончил я тем, что предложил комсоставу не разъезжаться сегодня, а командиру полка выяснить, кому какое обмундирование необходимо, завтра всё необходимое будет выдано, и только после этого будет разрешён выезд.

Уехал я из полка с тяжёлым настроением. Явно командир полка вёл политику партизанщины, распустил комсостав, поощрял развязности и неподчинению требованиям старшего командира и, в частности, мне как командующему. Отпустив начальника штаба и адъютанта, поехал я в Губком, там я встретился с секретарём Губкома и Председателем Губисполкома и сообщил им о настроениях в полку и своём недоверии к командиру полка и некоторой части комсостава. Потом поехал в Управление ОГПУ — там был тов. Бак — он меня информировал не только об антиморальном поведении ряда командиров, но и преступном их поведении на селе. В этот же день было принято решение о снятии

с должности командира полка и назначении другого, в ночь были арестованы 6–7 человек и преданы суду.

Начался просмотр каждого командира, инструктаж их по группам, и только через две недели они выехали для исполнения конкретных заданий. Всё это было отображено в приказах, которые рассылались по полкам, и когда я объезжал их через несколько недель, то положение в других полках было куда лучше, чем в Новониколаевском. А операция с Новониколаевским полком была хорошим уроком для других частей.

Равнодушие к преступлениям и мелкобуржуазным элементам

Сибирь освободилась от Колчака с его полчищами войск, с огромным хвостом всяких русских и иностранных авантюристов во главе с генералами и офицерами всех рангов. Крестьянская Сибирь присмирела, но остатки колчаковщины, кулачества, банд не хотели сдавать оружие и отказаться от своих буржуазных намерений. Поэтому в Новониколаевске сосредоточились многочисленные учреждения и войска Красной Армии, ОГПУ, ЧОН. Большим стало движение в городе, а многие улицы стали непроходимыми.

Чем дальше были деревни, тем больше ответов они требовали на многочисленные вопросы жизни. Было много всяких организаций, они по мере сил старались давать ответы по вопросам хозяйства, политики, военным и общественного порядка. Но враги пользовались слабостью кадров, а отсюда и бюрократическими методами принятия решений и выступали против Советских органов, где только могли.

Чем больше я знакомился со скупыми разведывательными сводками местных ЧОН и органов государственной безопасности, тем больше убеждался, что наши органы мирились с разгромом кооперативных магазинов, с убийством активистов в деревнях, с нападением на ж. д. поезда и станции. Даже нападение на поезд, с которым следовал Председатель ВЦИК М.И. Калинин, по существу, никого не взволновало. Не волновал и состав наших частей особого назначения, в них члены партии и беспартийные, но выходцы из деревни. Эти люди должны были громить колчаковские банды, но считали правильным пользоваться всем добром, которое они забирали у врага. Они могли безвозмездно пользоваться самогонкой, отобранной у кулака или другого крестьянина, были склонны к незаконному отношению к советскому добру, к людям, к женщинам.

В ряде мелких частей состояли люди с анархическими настроениями и действиями. Командиры и политорганы смотрели на это, как на неизбежное зло, с определённым равнодушием. Разговаривая с отдельными командирами полков и батальонов, я спрашивал, почему они с этим мирятся и не ведут активной массово-политической работы, я получал в ответ пожатие плечами, и явно было видно — думали: посмотрим, что ты сделаешь.

Рассказывая о своих впечатлениях в ОГПУ, я находил понимание со стороны секретаря Губкома т. Равделя и руководителя ОГПУ т. Бак. Мы понимали, что нужно поломать порядки в частях для быстрой ликвидации банд и наведения советских порядков.

У меня оказалось немало начальства — я был подчинён штабу ЧОН Республики, где был тов. Конгерари. От него я получил ряд личных писем с хорошими советами и указаниями. Я был непосредственно подчинён Командующему ЧОН и войсками Восточно-Сибирского округа т. Мрачковскому. Был начальником командующий ЧОН по Сибири М.М. Лашевич, его заместитель т. Клочков, нач. штаба Батенин. Я не мог действовать без согласования с Губкомом ВКП(б). Хотя они меня поддерживали, но, пожалуй, равнодушно смотрели на положение в частях ЧОН, вверенных мне. А там нужны были «хирургические», или, как говорят, организационные меры, я их и начал проводить. Отстранил некоторых командиров полков, батальонов и рот, в необходимых случаях сажал под арест и передавал в органы ОГПУ. Потребовал от политорганов активной политической работы кадров ЧОН.

Наведение порядка в частях, улучшение координации действий с органами государственной безопасности (ОГПУ) сказались на улучшении дисциплины в частях, улучшении их взаимоотношений с местными органами власти и, наконец, на улучшении взаимоотношений с крестьянством деревни. Пошли на убыль действия банд. Нам помогали местные партийные органы, поскольку наши части состояли из коммунистов и проверенных беспартийных активистов. Прошли месяцы, и порядок был установлен в частях, банды частично ликвидированы, а частично самораспустились.

В пределах своих частей, да и за пределами губернии, говорили: «Терентьев — КомЧОНГуб — человек жёсткий». В частности, имел место такой случай: в Новониколаевской губернии в основном банды были ликвидированы к весне 1923 года, а прибыл я в Новониколаевск в конце сентября 1922 года. В соседней

Томской губернии банды продолжали «хозяйничать», и был мне приказ выехать в Томскую губернию и навести порядок.

В Новониколаевске проходила губернская партконференция, я задерживался (там я был избран председателем рев. комиссии Губкома ВКП(б) и был занят партработой). И тут я получил известие, что моё назначение в Томскую губернию произвело переполох, и к моему выезду в Томск в штабе ЧОН Сибири получили телеграмму, что действующие банды ликвидированы.

Началось лето 1923 года. Оно было спокойное. Части ЧОН Новониколаевской губернии занимались учёбой, совершенствованием своей структуры. Неблагополучно было в Горном Алтае, но это от Новониколаевска было далеко, там было своё руководство, и за неблагополучие там голова болела у штаба ЧОН Сибири.

Тяжёлая обстановка

Несмотря на огромную работу, которую я проводил, — оперативную, политическую и партийную, — обстановка всё время была очень тяжёлая. Я всё время вспоминал уральцев — отношения там были проще, а здесь сложнее, и, несомненно, крестьянская психика сказывалась даже на командирском составе. Нехорошо складывались отношения с штабом ЧОН Сибири.

Очень тяжело складывались отношения в семье. Жена Нина Петровна была болезненно ревнива к неизвестным женщинам, хотя я не давал никакого повода и поведение моё было безупречно: я никогда не пил водку, вино, я был строг к себе во всех отношениях. Положение было бы ещё хуже, если бы не поддержка Губкома ВКП(б).

Вскоре стало ясно, что в Горном Алтае складывается тяжёлая обстановка, и мне было предложено изменить эту обстановку, и 2 августа 1923 года я отправился в Ойротскую автономную область в качестве командующего частей области.

Встречи в Новониколаевске

Там были сотни встреч, и среди них: Секретарь Бюро ЦК по Сибири Косиор, Председатель Ревкома т. Лашевич М.М., Представитель ПП т. Павлуновский И.П., руководители и участники партийного движения тт. Щетинкин, Акулов, Галенкин, Помглавкома Петинин Н.М., Гай литов.

Продолжение следует